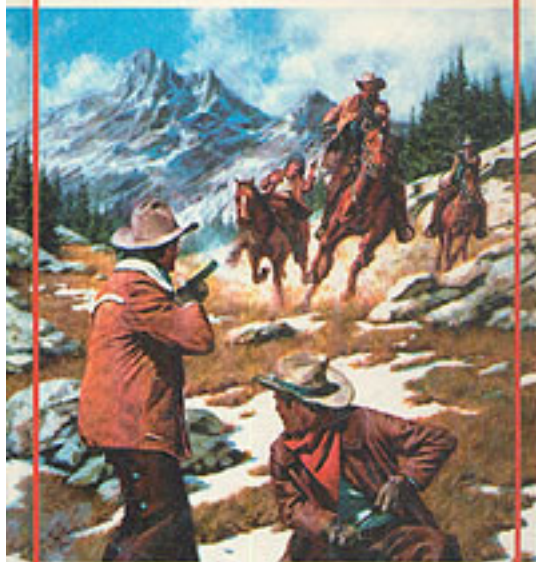

ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
НАЕМНИК

Макс Брэнд

Улыбка сорвиголовы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138055

Наемник: Романы-вестерны: Центрполиграф; Москва; 1997

ISBN 5-218-00564-9

Аннотация

Дэнни, герой романа «Улыбка сорвиголовы», был силен в кулачном бою, но искусством быстрой и меткой стрельбы овладел намного позже. Тогда-то он и вернулся в город, чтобы встретиться лицом к лицу с Биллом Ланкастером и его друзьями, давно приговорившими его к смерти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	60
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Макс Брэнд

Улыбка сорвиголовы

Глава 1

Денни останавливает ветряк

Никто не замечал Денни Кадигана до тех пор, пока ему не исполнилось десять лет. Он рос неповоротливым, упитанным, добродушным мальчиком с сонными черными глазами. Но в тот ветреный мартовский день, когда Денни как раз отметил день рождения, длинная веревка, с помощью которой запускался и останавливался *ветряк*, оборвалась у самого колеса, где она была закреплена, и, пролетев над головой школьной учительницы, заставила бедную женщину завизжать от страха.

Ломая руки, учительница отбежала в сторону, стараясь понять, что произошло. На ее глазах бешеный порыв ветра ударил по лопастям и колесо превратилось в серый диск, настолько быстро оно вращалось.

Но это еще не все. Ведь учительница направлялась к *ветряку*, чтобы остановить его, поскольку резервуар, предназначенный для удовлетворения школьных нужд (как жаждущих детей, так и лошадей, на которых они приезжали за много

миль), заполнился до краев, а дренажная труба, отводившая избыток воды, извергала настоящую реку и превращала площадку перед школой в болото.

Учительница пришла в ужас. Такое болото означало, что дети еще много дней подряд будут носить на ногах грязь в здание школы. А мокрая обувь непременно повлечет за собой простуды, насморки, распухшие красные носы, затуманенные глаза и еще более затуманенные мозги.

И сколько еще предстоит сделать, чтобы все исправить! Что скажут попечители в конце весеннего семестра? Как она объяснит им, что все это из-за лужи перед школой, которая образовалась потому, что лопнула веревка, которая...

Ни одному нормальному мужчине не пришло бы в голову строить такие длинные цепочки причин и следствий; на это способна только женщина, с присущим ей тактом, ну и... интуицией!

Так думала встревоженная мисс Софи Престон, глядя на то, как колесо покачивается и стонет под ударами штормового ветра, а плунжер ходит вверх-вниз, каждый раз выталкивая воду из насоса. Вода поступала в резервуар быстрее, чем успевала стечь через дренажную трубу. И вот уже множество маленьких ручейков побежало по стенке бака.

Мисс Престон в отчаянии бросилась назад к школе.

– О Боже! – закричала она. – Кто может остановить *ветряк*? Его понесло! Веревка лопнула!

Все дети бросились на улицу. Ведь, если они правильно

поняли учительницу, *ветряк* сейчас удалялся от школы гигантскими шагами. Затем они собрались широким полукругом вокруг четырех железных опор и, запрокинув головы, следили за мелькавшим колесом. В этом не было ничего нового. Каждый из них уже видел раньше раскрутившиеся *ветряки*, но истерика учительницы оказалась весьма заразной. Дети глазели на колесо и перешептывались. Кроме того, ничто так не приводит в замешательство и не лишает спокойствия, как штормовой ветер, а над их головами клочья облаков бешено неслись по небу. И когда один из восьми-классников закричал: «Посмотрите на Денни Кадигана!», то его едва смогли услышать из-за рева ветра.

Затем дети увидели, что Денни Кадиган медленно взбирается по длинной лестнице, его маленькое толстое тело раскачивалось из стороны в сторону. Он не спешил – поднимался очень медленно, делая по одному шагу, твердо вставая обеими ногами на ступеньку, прежде чем ступить на следующую. Учительница заметила мальчика, когда тот уже взобрался достаточно высоко, и закричала от страха. Особенно ее ужаснуло, что Денни держался одной рукой, хотя ветер сильно раскачивал лестницу, и успокаивающе махал второй.

– Не надо его звать, а то он испугается, – сказал один из подростков. – Денни никогда не ошибается. Он просто играет.

– Он никогда не играет! – прокричала учительница. – О Боже, о чем только думает этот ребенок!

Обычно во время обеденного перерыва или перемен Денни сидел в тени дерева возле школы или, прислонившись к стене здания, предавался мечтам, прикрыв свои большие ленивые черные глаза. Даже спорт его не слишком привлекал. Он предпочитал грезить наяву, дремать или наблюдать за другими. Им никогда не интересовались школьные хулиганы, так как считалось, что такой увалень не станет защищаться и не ввяжется в драку, даже если его прижать. Денни был просто трутнем в улье. Когда-нибудь его ужалит рабочая пчела, но до сегодняшнего дня его считали слишком ничтожным, чтобы замечать. На него не обращала внимания даже нервная учительница, так как Денни не получал ни очень плохих, ни очень хороших отметок. Он никогда не злился, но никогда и не улыбался, его глаза не искрились весельем. Про него можно было сказать: ни то ни се. Но сейчас мальчик карабкался по лестнице. Что это могло значить?

Зрители решили, что у него есть определенная цель, а он тем временем одолел уже половину пути и лез все выше и выше к платформе, над которой крутилось и лязгало колесо.

– Поднимитесь и снимите его! Быстрее! Быстрее! – вопила Софи Престон. – Он упадет! Он разобьется!

Самый старший мальчик в школе вызвался добровольцем и уже поднялся на дюжину ступенек, когда мощный порыв ветра, налетев, с силой ударил его и швырнул в сторону. Взглянув вверх, мальчик закричал от страха, увидев, как под ногами Денни проломилась изношенная ступенька. Бедняга

повис на руках и раскачивался, словно флаг в День независимости. Для героя-спасателя это оказалось чересчур. Он не стал дожидаться, когда Денни снова станет ногами на лестницу, и поспешил вниз, к твердой почве, чувствуя, что у него сосет под ложечкой. Уже с земли подросток заметил, как Денни исчез в люке и выбрался на продуваемую всеми ветрами платформу.

Тут ветер изменил направление и принялся раскачивать вращающееся колесо. Крылья проносились над самой головой Денни. Софи Престон охнула и закрыла руками лицо.

– С ним все в порядке! Смотрите! – прокричала учительнице одна из девочек.

Мисс Престон глянула вверх и увидела, что Денни уже выпрямился на платформе. Больше того, он дотянулся до лопасти и вцепился в нее изо всех сил.

– Спускайся! – хором в двадцать голосов закричали дети, но слова поглотил рев ветра, а до Денни донесся только невнятный гул. Вместо ответа он подошел к краю платформы и помахал товарищам рукой.

Тут мисс Престон упала в обморок. Но она мало кого интересовала. Ученики были слишком увлечены наблюдением за Денни, чья плотная фигурка еще больше приближалась к краю платформы, чтобы создать необходимый рычаг. Наконец ветер на мгновение стих, колесо повернулось в обратную сторону и Денни, изловчившись, немедленно привязал его к лопасти оборванным куском веревки.

Когда мисс Престон пришла в себя, он уже стоял на земле. Теперь на мальчика смотрели другими глазами.

– Ты испугался? – спросил кто-то чуть позже.

– Испугался? – повторил Денни, и его сонные глаза чуть просветлели. – Я не знаю...

«Он не знает, что значит пугаться, – заметил один ковбой, прослышав про эту историю. – Малыш станет кем-то или никем!»

Мисс Престон пыталась добиться от юного героя большего, но все ее старания пропали втуне. В ответ на похвалу он озадаченно посмотрел на учительницу и покачал головой.

– Это было довольно забавно, – вот так оценил Денни свое приключение.

В следующие два года он не изменял прежним привычкам. А потом один восьмиклассник решил испытать защитные способности Денни Кадигана. Все началось с простой шутки в виде кнопок, положенных на стул. Хотя мальчик, усевшись на них, резко вскочил, но при этом не издал ни звука. Он просто вытащил кнопки из штанов и сложил в карман.

Денни ничего не сказал, не задавал ни одного вопроса, и задира стал еще более дерзким и высокомерным. На следующий день он заявил Кадигану:

– Хочешь знать, кто подложил тебе кнопки? Так вот, это сделал я.

– Да? – пробормотал Денни и ударил своего обидчика по носу.

Есть нечто обескураживающее в том, как ведет себя нос после удара. Он наполняет глаза слезами, распухает, и, если из него течет струйка крови, люди со слабыми нервами весьма пугаются. Отскочив назад, хулиган провел под носом указательным пальцем, и тот сразу окрасился кровью. После этого он уже был готов отменить драку. Но Денни Кадиган только начал.

Раньше он никогда не дрался, но, стоя рядом, своими ничего не выражавшими черными глазами видел множество ужасных стычек. Сейчас его глаза светились и сверкали. Денни мягко шагнул вперед, вытянув левую руку. Так всегда делали лучшие боксеры школы в начале схватки. Он влепил левый кулак задире в живот и затем врезал правой точно в подбородок.

Старшекласник упал и захныкал:

– Хватит.

Денни Кадиган ударил его по лицу и вывернул за спину руку поверженного. В таком захвате даже очень сильный человек беспомощен. Чем больше обидчик сопротивлялся, тем сильнее ему выворачивали руку. А затем рука Кадигана нырнула в карман и начала что-то быстро вдавливать в зад лежавшего на животе драчуна. Раздались крики, перешедшие в дикие, душераздирающие вопли. Полдюжины мальчиков оттащили Денни. Потом оказалось, что он воткнул вчерашние кнопки глубоко в тело незадачливой жертвы.

Учительница не могла поверить в это до тех пор, пока не

увидела кровь, испачкавшую костюм неудачника. Тогда она посадила Денни рядом для долгого и серьезного разговора.

– Не понимаю, – ответил ей Кадиган. – Он подложил мне кнопки, когда я этого не видел. Я воткнул в него их, когда он знал, на что шел. Разве что-то неправильно?

Это оказалась первая и последняя драка Денни Кадигана за десять лет учебы. Все эти годы он не покидал родного города. Но невзирая на мягкость его характера, молва бежала впереди и предупреждала несведущих чужаков об опасности, скрывавшейся под незлобивой внешностью.

До того как Денни пошел двадцать второй год, *ветряк* и та драка были самыми яркими событиями в его жизни, за исключением смерти родителей. Что касается смерти отца, то она, похоже, не слишком подействовала на Денни. Его видели возле могилы в дорожном костюме, когда он прискакал с расположенного неподалеку ранчо, где работал в последние годы. Теперь он вырос и превратился в крепкого парня чуть выше среднего роста, с широкими плечами, круглым лицом и глазами, которые на одних смотрели безразлично, на других – грустно.

– У него нет сердца, – заметил хозяин ранчо, где работал Денни. – Когда я сообщил ему, что его отец умер, он только что-то пробормотал и продолжал поедать свой обед. Вот каков Денни Кадиган!

Два года спустя умерла мать. Но теперь все было иначе. Денни приехал и сидел возле ее тела сутки до тех пор, пока

не вошел доктор и не приподнял его голову, чтобы заглянуть в его пустые, ничего не выражавшие глаза.

– Тебе лучше пойти поспать, – посоветовал доктор. – Ты ничем не можешь здесь помочь, мой мальчик.

Денни Кадиган молча вышел из комнаты, но спать не лег. И когда усопшую похоронили на кладбище в тени вязов, он стоял возле могилы и невидящий взгляд его тупо скользил по окружающему пространству. Денни оставался там еще долго после того, как закрыли гроб, насыпали могильный холм и небольшая группа плакальчиков рассеялась. Говорили, что он простоял там весь день и только ночью вернулся на ранчо.

После этого местные жители изменили свое мнение о Кадигане.

– Что-то в нем все-таки есть, – решили они.

Это была скрытая чистота, нечто утонченное под внешним безразличием и неповоротливостью.

Но как раз тогда, когда они вознамерились принять Кадигана в свои ряды, Денни, похоже, обнаружил, что больше не нуждается в их компании. Через два дня после похорон он попросил расчет, сел на лошадь и уехал на север.

Глава 2

На ранчо Кэрби

Кадиган ехал все дальше на север, пока наконец не заметил ковбоя, пытавшегося удержаться на спине пегого мустанга, который подпрыгивал, извивался в воздухе и снова приземлялся на четыре ноги, отвратительно взбрасывая круп. После третьего прыжка ковбой оказался в пыли корраля, и мустанг, повернувшись, бросился к нему, стараясь укусить своего противника. Кадиган остановил лошадь у изгороди и наблюдал за попыткой и неудачей следующего героя. Затем, пока остальные стояли, чертыхаясь и не выражая стремления повторить сомнительный эксперимент обуздания строптивого животного, Кадиган спросил мужчину, который казался здесь главным:

– У вас не найдется для меня работы?

Хозяин ранчо повернулся и, увидев перед собой лоснящуюся физиономию и кроткие черные глаза, расстроено отмахнулся:

– У меня нет работы для тебя, сынок! Нам не нужны здесь мальчишки. У нас мужские дела. – Человек отвернулся и в сердцах добавил: – Разве что ты сумеешь объездить этого пестрого дьявола!

Когда он снова оглянулся, Денни уже бросил поводья, слез

со своей лошади и перебрался через изгородь.

За первые десять минут мустанг трижды сбрасывал Кадигана. Один раз даже перекинул через изгородь. Дважды он избежал копыт и зубов лошади, успевая откатиться под ограду. Наконец Денни сделал четвертую попытку и прилип к седлу, как бечевка к пакету. Пегий был укрощен!

Итак, Кадиган получил работу. Хотя и дали ему ее весьма неохотно. Хозяин ранчо Том Кэрби заявил при этом:

– Эта страна не для парней с нежными руками или слишком чистой совестью.

В недалеком будущем предстояла война между теми, кто разводил коров, и теми, кто разводил овец. И когда Кадигана спросили, не хочет ли он поразмяться, то Денни ответил, что ничего не имеет против овцеводов.

– Он не боец, – сказал Кэрби своим парням. – Он рассуждает как самый завзятый миротворец. С другой стороны, мы видели, что он вытворяет в седле, и, полагаю, сможем его использовать некоторое время. Только обращайтесь с ним полегче, ребята. Он будет выполнять поручения по хозяйству, пока вы заняты настоящим делом.

Таким образом, на ранчо Кэрби Кадиган оказался на подсобных работах. Ему доверяли колоть дрова, доить коров, готовить корм (грязная работа с ножом для сена), а также любое другое дело, требовавшее скорее хорошего настроения и терпения, чем ума или храбрости. И все, чем занимался на ранчо Кадиган, шло путем.

Это была большая страна огромных гор и высоких сосновых лесов. Скот выращивали здесь крепким. Лошади, привязанные к лассо, весили около тысячи фунтов и могли тянуть плуг, а само лассо имело длину футов шестьдесят. Как оно отличается от легкого тридцатипятифутового лассо, что используется жителями юго-запада! И мужчины на ранчо Кэрби были большими и сильными, под стать своему краю. Следует сказать, что их уже не раз проверяли в деле, и они хорошо знали возможности друг друга. Мир здесь чем-то напоминал отложенную битву.

Что касается Кадигана, то на него не обращали внимания. А если и обращали, то только чтобы повернуть на него, бросить презрительное слово, больше для того, чтобы спустить пар. Денни не возражал, когда с ним разговаривали свысока. Поэтому и ссор не наблюдалось. Никому и в голову не приходило, какая суeta может возникнуть из-за него, пока на ранчо не появился Билл Ланкастер и резко не ускорил события.

Он приехал к Кэрби и попросил работу. Кэрби вел себя очень вежливо, поскольку все знали, что с Биллом Ланкастером нужно разговаривать *очень* вежливо.

– Конечно, – кивнул Кэрби. – Я очень рад, что ты приехал. Столько волков развелось в округе! Их просто необходимо перестрелять.

Такой ответ Ланкастер принял с широкой ухмылкой и поехал на ранчо рядом с мистером Томасом Кэрби, радуясь,

что в мире есть еще что-то приятное, например Билла Ланкастера всегда хорошо встречают. Вечером за ужином Денни Кадиган впервые увидел столь знаменитого человека. А затем решил сразу поговорить с Джедом Маккаем.

Джед был самым старшим и самым добродушным из ковбоев, работавших на ранчо Кэрби. Все называли Денни мальчиком, и только Джед – сынком. Возможно, он презирал Кадигана еще больше, чем другие. Но все же такое обращение – это уже кое-что. Денни никогда раньше не слышал историй Маккая, а для остальных ковбоев они уже превратились в ветхие предания, каждый знал их наизусть. Ведь уже пять лет, как Джед заполнял своими небылицами любые свободные уши, не обращая внимания на откровенные зевки собеседника. Но в Денни Кадигане он нашел идеального слушателя. Парень часами сидел неподвижно, упиваясь словами старого ковбоя, его сонные черные глаза неотрывно рассматривали что-то вдали, пока Джед Маккай сражался с индейцами и добывал столько золота, что хватило бы на покупку всей Америки.

Когда они покончили с ужином, Кадигана переполняло изумление и сомнения. Во время еды за столом сегодня все было не так. Когда Билл Ланкастер начинал говорить, все остальные умолкали и даже сам Том Кэрби внимательно слушал. Поэтому когда Джед Маккай пошел взглянуть на кобылу, оставленную не так давно на его попечение, Денни немедленно отправился за ним.

Наступили июньские сумерки, звезды уже проглядывали сквозь закатную дымку, горы на юге и востоке становились черными, более высокими и словно приближались. Джед и Денни оперлись на ограду, куря традиционную сигару после ужина, радуясь прохладе. Их лица еще горели от жуткого дневного зноя и близости очага в столовой, заполненной запахами жареного лука и подгоревшего мяса.

– Посмотри-ка, сынок, – попросил Маккай, – ты немного разбираешься в лошадях. Что скажешь о моей кобыле?

Кадиган удивленно глянул на старого ковбоя. Впервые с тех пор, как он пришел на ранчо, его мнением кто-то поинтересовался.

– У нее тяжеловатый круп, но легкая иноходь, – ответил он. – Она не сможет долго работать со стадом, но прекрасна для верховой езды. Ее нельзя отделять от других. Она слишком нервничает.

– Верно, – кивнул Маккай. – Ты знаешь толк в лошадях, Денни.

– Этот Ланкастер... – начал Кадиган.

– Да?

– Он выглядит настоящим мужчиной.

Джед Маккай ловко перекинул сигару из одного угла рта в другой кончиком языка.

– Достаточно настоящим, чтобы выпустить потроха сразу у двух человек.

Кадиган немного подождал, а затем спросил:

– Что он сделал?

– Взрослые мужчины не задают таких идиотских вопросов. Дай мне подумать, – продолжал Джед, успокоенный виноватым молчанием Кадигана. – Ланкастер пришел в Монтану совсем зеленым новичком и вложил немного денег в скот. Его обобрали, и, когда он понял, что произошло с его деньгами, это испортило ему настроение. Билл не стал буйствовать, а просто принялся за разоривших его джентльменов. Их было пятеро. Он не торопил события, просто ждал подходящего момента, чтобы до них добраться. Ну, два года назад убил последнего из пятерки. Один из них удрал из страны. Второй искалечен. Остальные трое мертвы. Вот как Билл Ланкастер с ними расправился. И он находит в такой жизни нечто забавное. Считает месяц пропавшим, если ни разу не связался в драку. Когда-нибудь его, конечно, пристрелят, но только выстрелом в спину. Поэтому Билл не пьет, сохраняя хорошую форму. Он постоянно дерется сам с собой, если можно так выразиться. – Кадиган молча выслушал эту леденящую душу историю. – Проблема Ланкастера, – задумчиво произнес Маккай, – в том, что он любит любую драку, большую или маленькую. Он загоняет крысу в угол и заставляет кусать себя за ногу, потом давит ее ботинком, наслаждаясь писком. Ему доставляет удовольствие смотреть на других джентльменов, когда им плохо. Вот таков Ланкастер, – добавил он. – Но ты просто заткнись, и у тебя не будет хлопот. Только держись от Ланкастера подальше и не огрызай-

ся, если он начнет тебя задевать. Беда, коли он решит, что тебя напугал, – не оставит в покое до тех пор... – Маккай откашлялся и резко сменил тему разговора: – Норовистая глупая лошадь, да еще светлая спереди. Возиться с такой – то же самое, что вложить много труда в негодную землю, где никогда не вырастет урожай.

Но Кадиган не ответил. Он вскоре вышел из корраля и направился к дому. Тот состоял из одной комнаты с большими окнами в каждой стене и огромной печью посередине – печью, которая была жизненно необходима в разгар зимы и служила мишенью для сигаретных окурков в другое время. Койки, устроенные вдоль стен в два яруса, были накрыты одеялами разных цветов, потускневшими от грязи и возраста, ветхими и новыми, целыми и рванными. В промежутках между койками на множестве гвоздей висели толстые узлы с одеждой, потрепанные чемоданы, измятые куртки и богатый набор чулок и носков разной степени изношенности.

Обычно ковбои не собирали старье. То, что приходило в негодность, выбрасывалось. Но люди на ранчо Кэрби оставались по три-четыре года. В результате их багаж делал дом похожим на лавку старьевщика.

Кадиган снял ботинки, зажег фонарь в изголовье своей койки и лег. Он взял потрепанный журнал со своего одеяла и открыл его. Но он не читал – его мысли и мечты приняли совсем другое направление.

Половина его мыслей обращалась в прошлое, а другая –

в настоящее. Из прошлого он помнил только два события. Во-первых, как напуганные ученики выбегали в школьный двор, чтобы посмотреть на раскрутившийся *ветряк*. И во-вторых, единственную драку на кулаках за всю его мальчишескую жизнь. Каждый раз, когда он вспоминал о них, его тело и душа переполнялись одной и той же странной радостью. Он снова почувствовал ее, но уже значительно слабее, когда укрощал мустанга на ранчо Кэрби. Остальное казалось унылой пустыней, протянувшейся к безрадостному горизонту банальности. Иногда Кадигану приходило в голову, что он создан для счастья. Ведь другие люди могли веселиться! Но единственными значительными событиями в его жизни стали смерти отца и матери. Не испытал он всепоглощающего счастья, исключая разве что те два серьезных испытания, выпавших ему в школьные годы. Что же такого в них было? Опасность и только опасность, наполнявшая все существо Денни удовольствием. Опасность, действовавшая на тупую, сонную душу Кадигана как солнце на нераспустившийся цветок.

Теперь явился Ланкастер, и снова прежнее возбуждение согрело кровь, как молодое вино. Денни взглянул влево и увидел две маленькие дырки в досках стены возле койки. Для защиты от дождя и ветра их закрыли наспех приколотой с наружной стороны планкой. Кадиган их раньше не замечал. Но, наверное, когда-то в этом доме дважды выстрелили из револьвера. Теперь он в этом не сомневался.

Тем временем комната наполнялась усталыми ковбоями. Парни сначала расположились снаружи под светом звезд, но ломота в усталых телах загнала их под крышу.

– Черт возьми! – воскликнул Билл Ланкастер. – Черт меня возьми, если я не забыл мой брезент. Нет ли здесь мальчика на побегушках? Пусть сбегает и принесет его сюда!

Глава 3

Денни и Ланкастер сталкиваются

На своей койке Денни медленно вытянулся и напрягся, чувствуя, как импульс проходит через каждый мускул его тела. Затем снова расслабился. Так поступает кошка, приготавливая острые когти в подушечках лап.

Так сделал и Кадиган. Сейчас он вспомнил, что только дважды испытывал свою силу полностью – когда тянул крыло *ветряка* двенадцать лет назад и когда ударил хулигана по лицу десять лет назад. За последние годы не произошло ничего, что потребовало бы от него напряжения всех физических возможностей. Денни думал об этом и зевал, прикрывая рот рукой.

– Здесь нет мальчика на побегушках, – вмешался старый Джед Маккай. – Тебе придется сбегать самому, Ланкастер.

– Дьявол! – проворчал Билл. – Что у вас тут за компания подобралась? – Кто-то что-то пробормотал, но Кадиган ничего не расслышал. – Да? – воскликнул Ланкастер. – В самом деле? Мне такое подходит.

Как тень проносится над прудом вслед за дуновением ветра, так краешком глаза Денни следил за выраставшим над ним Биллом Ланкастером. Какой гигант! И как великолепно сложен! Наверняка силач!

– Эй! – позвал Ланкастер. – Мальчик на побегушках!

Кадиган снова зевнул, словно кот, почувствовавший на спине заботливую руку. Внушительная фигура уже пересекала комнату, и звук шагов заставил содрогнуться весь дом. Теперь тень упала прямо на журнал Кадигана.

– Как тебя зовут? – спросил Ланкастер.

Кадиган опустил журнал и повернул голову. Он осмотрел Ланкастера с головы до ног, медленно и тщательно оценивая противника. Опасность, приготовившая немало неожиданностей. И снова дрожь ожидания счастья пронзила тело Денни.

– Меня зовут Денни Кадиган, – ответил он.

– Ну, Денни, – воскликнул Ланкастер, – разве ты не подсобный рабочий на ранчо?

Кадиган отвернулся и принялся рассматривать стену, словно в раздумье. На самом деле он получал огромное удовольствие от происходившего. Это куда лучше, чем хватать и связывать невидимые руки ветра, лучше, чем махать рукой с платформы напуганной толпе, стоявшей внизу и смотревшей вверх. Впервые в жизни Денни почувствовал неясное удовлетворение. Но ведь это еще не все, можно надеяться на большее.

– Я не знал, что меня называют подсобным рабочим, – спокойно возразил он.

– Послушай, малыш, – продолжал Ланкастер, – я никого не собираюсь сердить. Слишком уж я миролюбивый. Будь я

проклят, если мне нравится раздражать людей. Но я говорю, что ты подсобный рабочий, а раз я говорю, значит, так оно и есть.

– Хорошо, – мягко согласился Кадиган.

– Разве не твоя обязанность – колоть дрова и доить коров?

– Верно.

– Ну, если уж ты все это делаешь, то почему тебе не сбежать для меня к конюшне?

– Я не говорил, что не сбегаю.

– Ну, тогда поднимайся и дай увидеть тебя в действии, – умиротворенно проворчал Ланкастер. – Брезент справа за углом, под моим седлом. Ты узнаешь мое седло по серебряному украшению. Я хочу, чтобы ты принес сверток сюда и положил мне на койку.

Билл отвернулся и произнес последние слова через плечо, но когда сделал несколько шагов, то ощутил, что за его спиной что-то не так. Атмосфера в комнате словно накалилась. Все замерли, не закончив начатые действия. Один наполовину снял ботинок, другой держал в руках горевшую спичку, не поднося ее к кончику сигары, третий застыл, натягивая рубаху. Но замерли все и смотрели широко открытыми глазами. Ланкастер резко обернулся и увидел, что Кадиган не пошевелился.

Билл едва смог поверить в такое. Его лицо побагровело, и он одним прыжком добрался до постели Денни.

– Кадиган! – загремел Ланкастер.

- Да? – спокойно ответил тот.
- Ты слышал, что я тебе сказал?
- Да.
- Почему же ты не идешь?

Взгляд Кадигана сосредоточился на огромных сжатых кулаках противника. Он едва мог говорить, такое испытывал удовлетворение.

- Я думаю об этом.

Тут кто-то истерически хихикнул, как девушка. Хихиканье усилило гнев Ланкастера. Не важно, что произошло, но надо дать волю гневу, превратить его во что-то осязаемое, прежде чем покончить с этим делом.

- Вставай! – зарычал Билл.

Кадиган взглянул на него и увидел, что глаза Ланкастера стали глазами дикого зверя.

– Вставай! – задохнулся от злости Билл и, немного наклонившись, схватил Кадигана за плечо. Его пальцы впились в толстое тело Денни, углубляясь в него все больше, пока то, что на первый взгляд казалось просто дряблым жиром, не начало шевелиться, изгибаться и твердеть. Вдруг все мускулы плеча превратились в камень, и пальцы Ланкастера соскользнули с гладкой поверхности. Когда он обнаружил перед собой не просто жирного и беспомощного увальня, то гнев его только удвоился. Билл снова схватил Денни за плечо и оторвал его от койки. – Тебя следует обучить манерам! – заорал Ланкастер. – А я – главный учитель вежливости. Я

преподам тебе урок, малыш, и ты не забудешь его до самой старости, я...

– Эй, Ланкастер! – окликнул его дрожащим голосом Джек Маккай. – Не совершай ошибку. Этот малыш не боец.

Разъяренный Ланкастер повернулся к старику.

– Черт тебя подери с твоей добротой! – неистовствовал он. – Я не собираюсь возиться с мальчишкой слишком долго. Возможно, у меня останется время поучить и тебя. Понял?

Джек Маккай съехался в тени койки. В глубине души он клялся, что будь помоложе... но молодость далеко позади. Пришла слабость, неуклюжесть и старость. Почему никто другой из стоявших вокруг здоровых мужчин не остановит весь этот ужас? Но ковбои не шевелились, хотя лица у кое-кого и помрачнели. Слишком велика опасность. Речь шла о Билле Ланкастере, о его двух револьверах, в каждом барабане по шесть патронов.

Ланкастер отвернулся от своей жертвы. Кадиган стоя выглядел совсем не так, как лежа или сидя. Он был ровно на десять дюймов выше пяти футов и весил без одежды ровно сто девяносто фунтов. Этот вес никогда не изменялся. В жару и в холод, в праздности и при упорном тяжелом труде. Кадиган весил сто девяносто фунтов, но выглядел легче фунтов на двадцать потому, что лишняя масса скрадывалась округлостью грудной клетки. Однако Ланкастер сразу понял, что имеет дело с крепким парнем. Крепким, как свинец. Больше никто на ранчо Кэрби этого не заметил. Но Ланкастер отли-

чался от других. Когда человек так часто встречается в драки, то сразу способен распознать бойца. Возможно, у Кадигана и отсутствовал воинственный пыл, но, определенно, он мог неплохо поработать на ринге. И Ланкастер, помня, как мякоть плеча затвердела в крепкий мускул, внезапно решил, что ему не следует рисковать в драке. Револьверы разрешат эту маленькую проблему.

Он отступил на полшага.

– Я скажу тебе, что сделаю, – прошипел Билл вне себя от гнева. – Ты извинишься, затем сбегаешь и принесешь брезент, и тогда я тебя прощу. Понял? – Денни прищурился. – Ты меня слышишь? – заорал Ланкастер. И тут до него донеслось, как испуганно вздохнули собравшиеся в комнате зрители.

Потому что Кадиган улыбался. В его душе и теле бушевал такой восторг, что он не мог его больше скрывать. Радость светилась в глазах. Она и заставила изогнуться уголки губ. Улыбаясь в лицо громиле, Денни мысленно чувствовал себя так, словно уже вступил в схватку.

– Боже праведный! – выдохнул Ланкастер и, отступив еще на полшага, потянулся за револьвером, висевшим на правом бедре.

Пальцы сжали рукоятку, но не успели выхватить кольт. Потому что рука Кадигана стремительно рванулась вперед и накрыла кисть Ланкастера. Бандиту показалось, что запястье сжал огненный браслет, поскольку Кадиган вывора-

чивал кисть, почти отрывая мясо от костей. Пальцы на руке Билла онемели и стали бесполезными.

Ланкастер с испуганным восклицанием рванулся назад, но высвободиться не сумел. Казалось, что его приковали к столбу. А когда он потянулся левой рукой за вторым револьвером, правый кулак Кадигана угодил ему прямо в лицо.

Больше всего это напоминало удар кузнечного молота, слегка удерживаемого за рукоятку. Удар оглушил Ланкастера, но одновременно сделал его безрассудным, а безрассудство дало новую силу, с ней не могла справиться даже мощная хватка Кадигана. Бандит вырвался, отступил на середину комнаты и схватился за револьверы.

Денни последовал за ним.

Он только сейчас осознал свою силу, и для него это стало чем-то вроде открытия Америки. Даже знаменитый гигант Ланкастер ничто в его руках. Нужно бояться только револьверов.

– Ланкастер! – в едином приступе ужаса завопили полдюжины ковбоев. – Что ты делаешь? У него же нет оружия!

– Я ему покажу! – взревел Билл и выхватил оба револьвера.

В этот момент Кадиган прыгнул и плечом ударил его в колени. Тот опрокинулся на спину, как кегля. Одновременно рывкнули два револьвера. Одна пуля пробила новую дыру в дальней стене дома, а вторая распорола бедро молодого Стьюва Теннера.

Падая, Ланкастер дотянулся до края койки и ухватился за него. Это не сулило спасения, но позволило упасть на бок. Он сел, наполовину выпрямившись, оперся о койку и, поскольку у него не оставалось времени на выстрел, просто ударил длинным и тяжелым стволом револьвера Кадигана по голове.

И Денни отключился.

Освободившись из вялых рук врага, бандит встал. Он наклонился над распростертым парнем, злобно ухмыляясь, но что-то неясное в воздухе заставило его оглянуться. По выражению лиц Билл понял, что будет лучше не прикасаться к телу своего недавнего противника. Тогда он снова выпрямился, растирая правое запястье. Оно стало сине-багровым и быстро опухало. Ланкастер содрогнулся от ужаса. Кадиган явно обладал способностью ломать кости одним движением пальцев. Знаменитый головорез только теперь отчетливо осознал всю опасность, которой так благополучно избежал. И наконец, вспомнил улыбку Кадигана. Мысль о ней оказалась не слишком приятной. Мужчины иногда ухмыляются от ярости, когда собираются начать ссору, но никто в подобные моменты не улыбается от счастья. В такой улыбке сквозило нечто нечеловеческое. Что-то дьявольское и злобное.

Ланкастер оглянулся. Старик Джед Маккай встал и медленно приближался. Выражение его лица ясно показывало, что Биллу не стоит задерживаться на ранчо Кэрби. Это был

бы весьма неразумный поступок. Кто-то двинулся к двери, и Ланкастер подумал, что поспешный уход явится наиболее подходящим способом разрешения конфликта.

Он не стал медлить ради своих вещей. Даже шляпа вовсе не обязательна для человека, собравшегося ехать верхом ночью. И, не задержавшись, чтобы поднять упавший револьвер, но все еще сжимая кольт в левой руке, Ланкастер вышел из комнаты.

Оказавшись в прохладной темноте, он почувствовал, как к нему частично вернулась храбрость и присутствие духа. Обернувшись к ковбоям, он загремел:

– А вы, крысы, помните, что Билл Ланкастер может с вами как-нибудь повстречаться. Когда малыш придет в себя, скажите: единственная причина, что я не прикончил его сегодня вечером, – мое нежелание. Я хочу продолжить!

После этого он исчез в ночи.

Утром конюх не нашел на месте ни его лошади, ни седла. На ранчо Кэрби Ланкастера больше не видели.

Никто из ковбоев старался о нем не вспоминать. Ведь они позволили ему совершить нечто недостойное в их присутствии и затем безнаказанно дали уйти.

Глава 4

«Посоветовал уехать»

Когда Кадиган открыл глаза, ему предстала странная картина. Он лежал на одеяле на полу посреди комнаты. Под головой вместо подушки – чья-то свернутая куртка, а вокруг – встревоженные лица: дюжина мужчин в шляпах, со шпорами на каблуках и оружием на боку, словно они приготовились отправиться в тяжелое путешествие через всю страну. И в центре их кружка стоял на коленях Том Кэрби собственной персоной.

– Если он не придет в себя, – услышал парень слова Кэрби, – мы поедem к черту на кулички и обратно, но поймем мерзавца Ланкастера и прикончим.

Раздался гром аплодисментов, и Денни сел. Вокруг все радостно закричали. А он не мог узнать в сияющих лицах вокруг тех грубых, угрюмых мужчин, с которыми жил под одной крышей. Они схватили его за руки, осторожно подняли, предлагая опереться на них, и проводили к койке. Даже помогли бы лечь, но тут уж герой дня заявил, что с ним все в порядке.

– Все в порядке, кроме треснувшего черепа, – сострил Кэрби. – Верно, Кадиган?

Едва ли не впервые к нему обратились не просто «малыш»

или «Эй, ты!». Денни достойно оценил разницу.

– Просто маленькая шишка, – ответил он. – Не о чем беспокоиться. Я сам справлюсь, джентльмены.

– Молодец, парень, – одобрил кто-то. – Всегда самостоятелен.

Кадиган хотел подумать. Он хотел остаться один. Желание это оказалось настолько сильным, что Денни выскользнул в темноту ночи и сел возле сладко пахнувшего стога свежескошенного сена. Он еще не успокоился. Ярость и бешеная радость все еще играли в крови, уме и сердце, как жидкий огонь. И ему хотелось петь, хотя до этого он не пел ни разу в жизни.

Когда Кадиган попытался вернуться к тому, что произошло, то сразу озадачился, так как он предстал перед собой в двух ипостасях. Первый – прежнее «я»: сонное, ленивое, безразличное к миру. Новое «я» стало иным: никакой укрощенной лошади, никакого *ветряка* и последующего погружения в сон! Теперь все иначе. Человек, который его оскорбил, повалил на землю, безнаказанно сбежал, и перед Кадиганом встала более серьезная проблема, чем рукопашная схватка. Осталось неоконченное дело. Денни должен поймать Ланкастера и довершить при помощи револьвера то, что не удалось сделать руками.

Пока он не разберется со всем этим – не получит удовлетворения. Страшная, безумно трудная работа ожидала Денни, как в той волшебной сказке, которую дети готовы слу-

шать вечно. Может ли Кадиган надеяться справиться с превосходной ловкостью, обширным и жестоким опытом Билла Ланкастера? Он вспомнил светло-голубые глаза гиганта, смотревшие на него с холодной яростью. Когда Денни снова увидит эти глаза? Но предвкушение уже доставило ему радость.

Возвращаясь обратно в дом, Денни тихо напевал что-то и едва не налетел на человека, сидевшего на ступенях.

– Эй ты, Кадиган! – услышал он голос Тома Кэрби.

– Я.

– Сядь, сынок. – Тот сел. – Я слышал, что ты пел.

– Вроде того.

– Ты, похоже, вполне счастлив?

– Ну, можно сказать, да.

– Ты мне всегда казался чертовски грустным. Вероятно, все, что тебе требовалось, это немного беспокойства – небольшая драка, чтобы взбодриться. Верно, Денни? – Кадиган промолчал. Внезапно Том Кэрби зашептал: – Послушай, Кадиган, я тут побалакал с ребятами. Сынок, мы были к тебе несправедливы. Обращались с тобой как с мальчиком, а ты, похоже, оказался среди нас единственным мужчиной. Старый Джек Маккай твердил нам об этом, уверяя, что он один знает, каков ты на самом деле. Ну, нам пришлось признать, что он хорошо разобрался в твоём характере. Так вот, Кадиган, ребята посоветовались и поручили мне тебе передать, что они просят прощения за происшедшее. Они все позор-

но стояли вокруг и позволили Ланкастеру драться нечестно. Видели все и должны были вытащить свои пушки и пристрелить Билла. Но они этого не сделали. Отчасти потому, что не поверили своим глазам, когда до них дошло, что Ланкастер готов сыграть грязную шутку с... молодым джентльменом вроде тебя, который не каждый день упражняется с кольтом в свободное время. Отчасти, если честно, они боялись иметь дело с Ланкастером, даже став свидетелями того, что ты с ним вытворял. Ты, сынок, должно быть, не ведаешь, какую славу заработал этот бандюга в наших краях. Клянусь тебе, в этих краях не найдется и троих мужчин, которые пожелали бы встретиться с Биллом на узкой дорожке и пристрелить его, даже втроем на одного.

Кэрби помолчал и откашлялся, завершив весьма затруднительную для него речь.

– Все в порядке, – успокоил его Кадиган. – Не нужно извинений. Я уже об этом забыл. Все произошло так быстро.

– Вот именно! – воскликнул хозяин ранчо, с отчаянной поспешностью хватаясь за протянутую соломинку. – Они сказали, что ты сражался как тигр – так быстро, и Билл ничего не мог сделать. Все напоминало вихрь, ураган, затем ты упал, а Ланкастер встал и тихо удрал. Понимаешь, Кадиган, ребята полагают, что они не имели никакой возможности вмешаться. Едят себя поедом, потому что не попытались наброситься на Билла. Если бы ты пострадал, они бы так это не оставили, преследовали бы Ланкастера и прикончили бы

его... или он прикончил бы их!

Единственная причина, заставившая Кэрби завершить свою речь именно так, заключалась в попытке убедить Кадигана, если, конечно, тот нуждался в утешении, что он видел только малую толику грозного характера Ланкастера.

– Я знаю, – благодарно произнес Кадиган, – что все были на моей стороне. Они очень добры, мистер Кэрби.

Хозяин ранчо хмыкнул и быстро добавил:

– И вот еще что, сынок...

– Да?

– Полагаешь, что ты покончил с Ланкастером?

– Ну, не совсем.

– Ты прав. Ты видел его не в последний раз. Пока считай, что ты Билла едва заметил. Могу подсказать, если ты еще не догадался.

– Мне кажется, я догадываюсь, о чем вы думаете, – тихо пробормотал Кадиган.

– Ты пошел ему наперекор, сынок, а этого давным-давно никто не делал. И устоял перед ним, а Ланкастер такого не забывает. Вот тут слабое место Билла. Он уверяет, что крут настолько, чтобы перестрелять для забавы целый город. Ланкастер не переживет, если кто-нибудь бросит в него камень и напомнит, что... мальчишка заставил его удрать. Понимаешь?

– Да.

– Это пахнет кровью, Кадиган.

– Вот как?

– Это убийство, парень.

– Вы имеете в виду, что Ланкастер...

– Он не остановится, пока не нафарширует тебя парой ку-сочков свинца. Слышишь меня?

– Да, – кивнул Кадиган.

– И никогда ни в коем случае об этом не забывай. Я говорю тебе чистую правду.

– Он никогда не забудет?

– Просто не сможет! – Все это Кэрби произнес мрачно тихим голосом. Увы, он не мог видеть слабую улыбку удовлетворения, появившуюся на лице Кадигана. Ведь только отблеск звездного света падал на Денни в тот момент. – Возможно, ты успеешь выхватить револьвер, но имей в виду: если ты встретишься с Ланкастером, это не будет обычной перестрелкой. Сынок, он убил Гарри Ворса и Шэнка Бристола в драке, когда они бросились на него – один сзади, второй спереди. Ланкастер прикончил их обоих. Сначала застрелил Ворса. Всадив в него две пули, упал на пол, переброшил револьвер в левую руку и прикончил Бристола. Ясно?

Кадиган что-то пробормотал. Затем наступила тишина. Хозяин ранчо давал своему молодому работнику переварить всю важность сообщения. Где-то далеко коротко заржал жеребенок, в ответ призывно прозвучало ржание матери, пасшейся отдельно от стада. После этого все вокруг снова погрузилось в ночной покой. Из дома не доносилось ни звука.

Казалось, что происшествие измотало ковбоев, заставив их моментально улечься и заснуть.

– Я дам тебе совет, Кадиган.

– Да, сэр?

– Если бы я был на твоём месте, то побыстрее смотался бы на юг. Я одолжу тебе лошадь.

– Зачем? – искренне удивился Кадиган.

– Черт возьми! – воскликнул Кэрби. – Должен тебе сказать, что... Ты что, идиот, сынок? Говорю тебе, если не убежишь подальше, то Ланкастер перегрызет тебе глотку. Можешь не сомневаться!

– Большое спасибо, – как всегда очень тихо, промямлил Кадиган. – Я обязательно должен все продумать.

Затем он встал и вздохнул. Или, как показалось Тому Кэрби, просто зевнул. Как бы то ни было, Кадиган скрылся в темноте дома, а Кэрби через несколько минут удалился к себе. Он чувствовал себя обескураженным. По дороге часто останавливался и ругался, употребляя выражения, свидетельствовавшие о постоянной практике усмирения непокорных телят. А что может сравниться с телянком по части совершенствования словаря мужчины?

Когда Том Кэрби добрался до дому, супруга сразу поняла, что ее благоверный чем-то обеспокоен – дверь хлопнулась с пушечным грохотом. До женщины также донеслись слабые отзвуки проклятий, посланных кухарке. Потом она слышала, как Кэрби проклинает в нижней передней свой дом, свою се-

мью, работников, весь штат, Запад с севера на юг, всю страну, земной шар, солнечную систему и всю вселенную. Том уже добрался до космического пространства в тысячу световых лет, когда поднялся на второй этаж. Он вошел в спальню, принеся за собой облако бешеной ярости. Поэтому миссис Кэрби, весьма молодая и прехорошенькая особа, но умнее, чем можно было подумать, молча приветствовала его милой улыбкой.

Когда Кэрби с ворчанием опустился в кресло, женщина встала со своего места у окна, где наслаждалась прохладой вечернего ветерка, и, подойдя к хозяину дома, сняла с его головы высокое массивное сомбреро, о котором тот совсем позабыл, затем вытерла пот со лба мужа. Она по-прежнему молчала. Мало-помалу морщины на лбу Тома разгладились. Миссис Кэрби вернулась к своему стулу и осторожно повернула его, чтобы сесть лицом к мужу.

Ничто так не раздражает мужчину, как невнимание женщины в минуты его гнева. Больше всего им нравится выглядеть ужасными в глазах жены. Миссис Кэрби научилась испытывать благоговейный страх в любой момент. К тому же такая игра не требовала много сил.

Итак, она ждала внимательно, спокойно, слегка улыбаясь, нежно разглядывая мужа. И видела, что грозовая туча постепенно уходит.

– Черт меня побери, – проворчал Том Кэрби, – если большинство людей не круглые дураки.

Миссис Кэрби не смогла удержаться. С кончика ее прелестного язычка вдруг сорвался вопрос:

– Дорогой, неужели ты сам до этого додумался?

– Что? – загремел Том Кэрби.

Женщина испугалась, как человек, задевший огромный валун и увидевший, что тот покатился вниз по склону, чтобы разрушить... что?

– Я спросила, – поспешно поправилась она, – ты чем-то расстроен сегодня вечером?

Кэрби поворчал, затем решил, что, *возможно*, не расслышал как следует ее слова, и продолжил размышления.

– Что-нибудь не так? Ну, пожалуйста, – просила миссис Кэрби.

– Труп, – мрачно отрезал он.

– Кто?

– Кадиган.

– Боже праведный, Том, неужели мальчик умер? Не может быть!

– Он умрет!

– Позволь мне пойти к нему.

– Я имею в виду, его прикончит Ланкастер.

– А-а, и это все?

– Тебе мало? Вы, женщины, страдаете полным отсутствием логики.

– Конечно, – тактично признала миссис Кэрби. – Мы не мужчины.

Ее супруг проворчал:

– Я рассказал молодому болвану о Ланкастере. Посоветовал ему убраться на юг – да побыстрее. И угадай, что он сделал?

– Я не могу угадать, – мудро ответила миссис Кэрби.

– Он просто зевнул, черт побери! Словно я сообщил ему, что Ланкастер носит желтые рубашки или что-нибудь в этом роде. Его, похоже, ничего не тронуло. А в дом он вошел, мурлыкая себе под нос. Желторотый дурак! Думает, что раз нокаутировал Ланкастера, то сумеет победить его и на револьверах. Это то же самое, что смеяться над гремучей змеей, которая не может укунить камень.

– Ты прав. Это ужасно!

– Еще бы. Он труп. Если бы у него были родственники, то я посоветовал бы им заказать траурную одежду. Но у него никого нет.

– Сирота?

– Он? Конечно.

– Никаких родственников?

– Да. Так он сказал. Кадиган один-одинешенек. Большая удача в такой ситуации!

Поняла ли миссис Кэрби интонацию, скрытую в последней фразе? Ну, разумеется, поняла. Поэтому мягко произнесла:

– Бедное дитя!

– Эй, минуточку! – воскликнул ее муж. – Не так уж он юн

и беспомощен. Оставь при себе свою нежность и сочувствие до другого случая. Возможно, они мне понадобятся.

Глава 5

Встреча с дядюшкой Джо Лофтусом

Если воскресенье считается в городе просто унылым днем, то на ранчо это сама скука. Поэтому каждую неделю субботним вечером ковбои тянутся к любому скоплению огней и голосов, чтобы укрепить себя перед тишиной «дня покоя». Но тем воскресным утром в доме остались только трое: старый Джед Маккай, еще в среду проигравший в блэкджек все свои деньги, Кэрби и Кадиган, которого город привлекал ничуть не больше чем прерия.

С восьми до половины одиннадцатого Денни снова выслушал историю былых дней процветания, когда Маккай держал в руках миллионы и потерял свои сокровища только из-за бесчестности партнера, а затем сам завел разговор о другом.

– Кто лучший стрелок в этих краях, мистер Маккай?

Слово «мистер» всегда доставляло удовольствие старику Джеду. Отчасти оно отдавало дань его возрасту – но Маккай чувствовал, что главным образом это дань его исключительному характеру.

– Ну, полагаю, Стив Энвейтер один из лучших. Он быстр и довольно меток. Том Кэрби тоже неплох. Да и я знал лучшие

времена.

– Энвейтер лучший?

– Если учитывать скорость и меткость, пожалуй, лучший. Такого больше нет, исключая, конечно, Ланкастера. Ланкастер – это отрава. Он чем-то похож на ветеранов. Очень похож!

– А ветеранов больше не осталось?

– Ты имеешь в виду тех, что *не могли* промахнуться?

– Да.

– Их больше нет, сынок. Почти все мертвы. Никто не стреляет так быстро и метко, чтобы самому уберечься от пули. Никто, кроме дядюшки Джо Лофтуса.

Кадиган потрогал на своей голове повязку, под которой быстро заживала глубокая рана, нанесенная тяжелым стволом револьвера Ланкастера.

– Лофтус? Я что-то о нем слышал. По-моему, он обладал немалой известностью в былые времена.

– О, Лофтуса знала вся эта чертова страна. Лофтус один из тех, кого президент назначил судебным исполнителем в дни, когда бесчинствовала банда Мэрчисона. Он поймал всю банду. И сделал это практически в одиночку. Да уж, Лофтус очень известная личность. Он начинал бандитом, а потом долго жил, отказавшись от столь постыдного звания. Даже сейчас, думаю, не найдется человека, способного выследить дядюшку Джо. Возможно, рука его теперь уже и не столь тверда. Но мозги... Это другое дело!

Маккай хихикнул над своей мыслью, раскачиваясь взад-вперед на ящике, служившем ему вместо стула. Настоящие стулья недолго держались в этом доме.

— А как стар дядюшка Джо Лофтус, вам, случайно, не известно?

— Нет. Вряд ли кто-то имеет достоверное представление о его возрасте. Он, наверное, и сам позабыл, сколько ему стукнуло. Конечно, старик мог бы постараться и вспомнить, но дядюшка Джо делит время на «до войны» и «после войны».

— И за кого он воевал?

— За всех подряд, — ответил Маккай и снова хихикнул. — Такого, как дядюшка Джо, не найти нигде.

— Я слышал, он живет где-то в Чико-Рэйндж?

— Прямо под левым отрогом.

— Он стрелял быстро и метко, верно?

— Быстро, как молния, и точно в цель. Хочешь, я расскажу, как он встретился с двумя самыми бывалыми ребятами Мэрчисона...

Наступил полдень, прежде чем историю прервал милосердный звонок обеденного колокола. После обеда Кадиган подошел к Тому Кэрби:

— Полагаю, что уеду, если вы готовы со мной расплатиться, мистер Кэрби.

Том широко ухмыльнулся:

— Ты выпался и понял, что я прав? У тебя есть голова на плечах, сынок. Поезжай на юг и не останавливайся до тех

пор, пока Рио-Гранде не окажется к северу от тебя. Пройдет несколько лет, и ты услышишь, что Ланкастер получил свою порцию свинца и отдал концы. Тогда вернешься обратно. В этих краях тебя не забудут, Кадиган.

Его слова шли от сердца, поэтому Денни не решился признаться, что планирует поступить совсем иначе. Он получил свою плату и взобрался на старого пегого мерина, подаренного ему Кэрби «на счастье», возможно, потому, что кляча едва переставляла ноги.

Итак, собрав свои вещи и закрепив их позади седла, Денни пожал руку Маккаю и не спеша двинулся на юг. В ушах Кадигана все еще звучали слова Маккая: «Если ты когда-либо встретишься с Ланкастером, помни, что это не тот человек, который стреляет дважды. Он не продырявит тебе ногу или другое место, чтобы оставить шанс на выстрел. Его первый выстрел будет и последним. Он убивает!»

Помня о мрачном предостережении, Кадиган протрусил на престарелом мерине с полдюжины миль, ориентируясь по высокой вершине горы Чико. После полудня Денни миновал небольшой городок и там, несмотря на разгар воскресенья, разжился всем необходимым снаряжением. Затем отправился дальше и через час после захода солнца добрался до нужного места.

Маленькая хижина расположилась на голом склоне горы, окруженная редкими соснами — пионерами лесов и предшественниками настоящих деревьев. Невдалеке из горного

склона пробивался ручеек. Такой человек, как Джо Лофтус, вряд ли испытывал здесь проблемы с провизией. Его винтовка метко стреляла, а капканы поставляли достаточно шкур, чтобы обеспечить старика мукой и прочими припасами. Наконец, дядюшка работал последние тридцать лет, тщетно пытаясь обнаружить легендарное месторождение меди в Чико-Рэйндж – знаменитый тайный рудник, где, как рассказывали индейцы, в старые времена добывались глыбы, на восемьдесят пять процентов состоявшие из чистой меди. Старик терпеливо охотился за богатством, измеряя свои успехи десятками метров, исследуя намеченную площадку и сразу же присматривая новую. Трудно поверить, что такой боец смог согласиться на одинокую скучную жизнь!

Или она не так уж и скучна? Возможно, подумал Кадиган, охота за спрятанным рудником напоминала преследование человека с единственным отличием – не предвиделось конца гонки. С таким же успехом можно преследовать призрака.

Когда Кадиган подошел, ведя измученного тяжелым грузом и долгим подъемом по склону горы мерина в поводу, то увидел худого старика, встречавшего его на пороге хижины. Старик ладонью прикрывал глаза от солнца, пытаясь рассмотреть незнакомца. Одежда свободно висела на почти лишенных мяса костях его высокой фигуры, большая лысая голова, напоминавшая бильярдный шар, неловко сидела на жилистой шее, совсем высохшей. Годы украли зубы, и теперь сильный жесткий подбородок загибался вверх, почти встре-

чаясь со свисавшим вниз кончиком длинного красного носа.

Вряд ли кто-нибудь нашел бы дядюшку Джо привлекательным. Кадигану ветеран показался просто ходячим скелетом. Из-за отсутствия зубов и морщинистой кожи на лице Лофтуса возникло подобие ухмылки, хотя по рассказам тех, кто его знал, он никогда не улыбался.

Денни вспомнил эти рассказы и многие другие, пока приближался к престарелому герою. Подойдя поближе, он остановился. Лошадь облегченно фыркнула и пристроилась позади хозяина, а Кадиган пожелал старику доброго вечера.

Дядюшка Джо не тратил времени на дурацкие расспросы о благополучии чужака. Он просто спросил высоким дребезжащим голосом, таким же тонким и мертвым, как старый осенний лист:

– Кто ты, юноша?

– Меня зовут Кадиган.

– Когда-то я знал конокрада с такой фамилией, – нелюбезно сообщил дядюшка Джо, – что тебе понадобилось в наших краях?

– Просто путешествую, – ушел от ответа Денни.

– Ничем особенно не интересуясь, полагаю, – уточнил старик.

– Ничем особенным.

– И ты не собираешься ставить капканы, верно?

– Ни одного, – честно признался Кадиган.

– И не хочешь заняться старательством?

– Абсолютно. Меня никогда не увлекали мифы о несметных сокровищах, дядюшка Джо.

– Дядюшка Дьявол! – взвился разгневанный старик. – Не помню тебя среди своих племянников!

– Мне казалось, что вас все так называют.

– Ты ошибся, – буркнул Лофтус. – Называй меня моим собственным именем, а не тем, что дали мне дураки вроде... – Старик смолк, но посторонний наблюдатель без труда добавил бы «тебя». – Значит, ты ничего не знаешь о скалах и рудах? – продолжал он, злобно сверкая глазами.

– Абсолютно.

– Разве ты не вырос в этих краях?

– Ну, можно сказать, неподалеку.

– И тебе ничего не известно о месторождениях? Не отличишь золота, даже когда увидишь?

– Ну, полагаю, что это-то смогу.

– Только полагаешь? Тогда, парень, не знаю, что нам вместе делать на одной горе. Если ты обратил внимание, места здесь не слишком много.

– На мой взгляд, здесь разместится целая армия.

– Ты не проявляешь здравого смысла, – покачал головой дядюшка Джо еще суровее.

– Почему нет? Вокруг столько миль для открытий!

– Что значит «столько миль», молодой человек, для двух джентльменов, которые не могут договориться между собой.

– А что нам мешает договориться, мистер Лофтус?

– Не стоит так говорить и обзывать меня мистером. Для меня такое звание не значит ровным счетом ничего. Я тебе скажу, почему мы не договоримся. Потому, что я родился и вырос, чтобы ненавидеть лгунов. Так же, как ненавижу болтунов, понятно, сынок?

– Но я не солгал вам.

– Нет?

– Ни капли, – задумчиво проговорил Кадиган, перебирая в голове все, что произнес. Он не мог вспомнить даже малейшей неправды в собственных словах.

– Значит, ты не солгал мне?

– Я же сказал, что нет.

– Ты заявил, что пришел сюда не охотиться?

– Так.

– Не охотиться, не ставить капканов, не старательствовать?

– Верно.

– И это правда?

– Чистая правда, мистер Лофтус.

– Хорошо, но тогда какого дьявола ты сюда приперся? Что привело тебя на склон Чико с усталым конем?

– А-а, – протянул Кадиган и облегченно вздохнул. – Так это все, что вас беспокоит? Хотите знать, что меня сюда привело, мистер Лофтус? Так вот, сэр, я проделал весь долгий путь только для того, чтобы встретиться с вами.

Эти слова, произнесенные с приветливой улыбкой, по

мнению Кадигана, должны были успокоить упрямого старика. Но мистер Лофтус некоторое время смотрел на молодого человека, затем вошел в хижину и вынес оттуда длинную тяжелую винтовку, такую толстую и старую, что сразу же возникло сомнение, выдержат ли ее вес костлявые дряхлые руки. Однако Лофтус поднял ее довольно легко, поместив на изгиб левой руки, в то время как указательный палец правой лег на курок.

– Если это все, что привело тебя сюда, – прорычал он, – то теперь, когда ты уже всласть насмотрелся на меня, советую повернуться и убраться прочь!

Глава 6

Рио-Гранде для Кадигана

Предложение убратся прозвучало вовсе не веселой шуткой. У Кадигана душа ушла в пятки. Тем не менее он не ретировался – даже не повернулся. Стоял и смотрел на героя минувшего века.

– Ты слышишь меня? – закричал Лофтус.

– Я вас слышу, – спокойно ответил Кадиган.

– Тогда, черт бы тебя побрал, – завопил Лофтус, все больше и больше возбуждаясь, – ты чертовски близок к тому, чтобы получить пулю в глаз. Именно в глаз. Только так я стреляю белок.

Но Кадиган скрестил руки и покачал головой.

– Не пойдет, – отрезал он. – Не сработает, мистер Лофтус.

– Это еще почему? Что не сработает?

– Ваш блеф.

– Боже милосердный! – заорал Лофтус, дрожа от ярости. – Ты хочешь меня совсем разозлить?

– Нет, сэр, но я кое-что о вас знаю. Мне известно, что вы не из тех, кто способен хладнокровно пристрелить другого человека. Вы убивали, и не раз, но всегда только в честной схватке, и вы слишком стары, чтобы приобретать дурные привычки. Верно?

– Это только полуправда, – махнул рукой дядюшка Джо. – Я старею. Иначе давно уже прострелил бы башку паре таких, как ты, а не трепал бы тут языком. Ну, молодой человек... как ты там себя назвал?

– Кадиган.

– Кадиган. Черт меня подери, если я когда-либо видел такое хладнокровие. Ты не собираешься драться и не собираешься уезжать. Так?

– Совершенно верно.

– И тебе не стыдно, парень?

– Вовсе нет.

– И ты не намерен болтаться вокруг, шпионить за мной и пытаться найти, где я делаю разметку медного рудника...

– Медь?! – воскликнул Кадиган, наконец поняв, в чем дело. – Так вот почему вы не хотите, чтобы я здесь крутился? Из-за этого медного рудника? Но, мистер Лофтус, я не интересуюсь медью. Совершенно.

– Нет? – насмешливо спросил старик. – Деньги, полагаю, тебя тоже не интересуют? Может, ты племянник самого Бога или что-то в таком роде и в них не нуждаешься? Не так ли?

– В настоящий момент, – откровенно пояснил Кадиган, – деньги тоже не имеют значения.

– Может, ты хоть намекнешь мне, что для тебя *имеет* значение? – сухо осведомился Лофтус.

– Конечно, я скажу вам прямо сейчас, – честно ответил Кадиган. – Больше всего я заинтересован в том, чтобы

остаться в живых.

Лицо дядюшки Джо просветлело.

– Ах вот оно что. Все дело в том, что ты от чего-то убегаешь?

– Я не считаю, что убегаю.

– Как же тогда ты это называешь?

– Недавно я понял, что мне нужна помощь, и приехал к вам.

Дядюшка Джо оперся о винтовку и издал странный кудахтающий смешок.

– Черт побери, ты меня добил. Ты приехал сюда, чтобы я тебе помог?

– Ну да.

– Надеешься, что заставишь меня спуститься и участвовать в твоей драке вместо тебя?

– Нет, – ответил Кадиган. – Но вы можете научить меня драться.

Настроение дядюшки Джо сразу изменилось.

– Дошло наконец. Ты хочешь не ударить лицом в грязь, когда тебя загонят в угол.

– Именно так.

– Сколько же их? – уже заинтересованно спросил старик.

– Только один.

– Один? И ты убегаешь? Проклятье, парень, я меняю мнение о тебе каждые две секунды. Черт меня побери, если это не так.

– Видите ли, – вежливо начал Кадиган. – Я пользовался винтовками и револьверами не меньше остальных обычных людей. Но никогда не дрался и не имею опыта перестрелок. А тот джентльмен, с которым я не поладил, почти так же силен и ловок, как десять человек сразу.

– Кто бы это мог быть? Впрочем, мало шансов, что я его знаю. Теперь такие люди рождаются очень редко. Поэтому интересные новости доходят до меня не чаще чем раз в год.

– Его зовут Ланкастер.

– Билл Ланкастер, верно?

– Вы о нем слышали?

– Разве я глухой или немой? – рассердился старик. – Неужели я не слышал о Билле Ланкастере? Я готов назвать человека, который мне рассказал о нем. Будь я проклят. *Ты* не поладил с *ним*?

Выделив два слова, старик сумел вложить в них больше смысла, чем содержал серьезный длинный монолог Тома Кэрби.

– Да.

– Тогда спаси тебя Бог, парень. Почему ты болтаешься здесь, где часто ошивается Билл, не объяснишь? Почему не мчишься со всех ног на юг, где он никогда не бывает? Почему ты уже не пересек Рио-Гранде?

Лофтус словно повторил слова Тома Кэрби, но теперь это подействовало на Кадигана с двойной силой. И тем не менее мысль о бегстве все еще не созрела у него в мозгу. Наоборот,

чем более грозным казался Билл Ланкастер, тем больше Кадигану хотелось остаться и встретиться с ним лицом к лицу.

– Я не собираюсь убегать от него, – очень спокойно произнес Денни.

– Не потому ли ты хочешь изучить пару хитрых фокусов с револьверами?

– Да, сэр. Я решил поймать Ланкастера.

Джо Лофтус воздел к небу обе руки и изумленно просто-на-прост:

– Поймать Ланкастера?!

– В мире есть только один человек, способный научить меня чему-то такому, что даст мне шанс устоять против Ланкастера. Я уверен, вы тот самый человек. Все говорят, что дядюшка Джо Лофтус справился бы с Ланкастером за один укус.

– Ну! – без лишней скромности протянул старик. – Неужели обо мне еще помнят внизу?

Он произнес это так, словно мир находился где-то на неопределенном расстоянии у него под ногами.

– Все вас знают, мистер Лофтус. Даже я. А я прибыл издалека, с юга. Там тоже о вас все помнят. Вот почему я и пришел к вам за помощью.

– За какой помощью, парень? – уже мягко спросил дядюшка Джо.

– Научите меня обращаться с оружием.

– Вот винтовка. Стреляй вон в ту ветку. Правую ветку на

маленьком кусте вон там.

«Я, наверное, никогда в нее не попаду», – подумал Кадиган, но все же опустился на колено.

Долгие пять минут он примерялся и целился, поскольку солнце село и сгущались сумерки. Наконец Дэнни выстрелил, и одна из веток на верхушке куста отлетела в сторону.

– Ну вот, – усмехнулся Джо Лофтус. – Ты метко стреляешь. Даже прославишься на одном из местных соревнований снайперов. Загребешь все серебряные кубки, осмелюсь предположить! – Старик повернулся и показал в другом направлении. – Посмотри на ту консервную банку. Достань револьвер и продырявь ее, хорошо?

Дэнни вытащил револьвер. Что-то подсказывало ему, что не следует радоваться похвале старого ковбоя. На сей раз он должен проделать все лучше и, конечно, ни в коем случае не промахнуться. Тяжелый кольт долго балансировал в руке Кадигана, а затем он выстрелил, и его сердце подпрыгнуло от счастья, когда банка, взлетев, покатилась вниз по склону.

Он спрятал револьвер и повернулся к Лофтусу, размышляя, какую похвалу старатель выберет теперь. Но дядюшка Джо наклонился за винтовкой и долго смотрел в землю.

– Я не знаю, – выдавил он наконец. – Я прикидывал... Пытался что-нибудь придумать... Но, наверное, все бесполезно. Полагаю, что ничего нельзя сделать. Я не верил, когда говорили, что хорошими стрелками рождаются, а не становятся. Но теперь понимаю, что люди правы.

– Значит, мне не на что надеяться?

Старик вздохнул и покачал головой:

– Я видел плохих стрелков и очень плохих стрелков. Но черт меня побери, если ты не худший среди них. Дайте мне джентльмена, не умеющего попасть в цель. Я его смогу хоть чему-то научить. Научить его стрелять столь быстро, как сверкает молния. Но если взять джентльмена вроде тебя, попадающего *куда угодно*, то ему действительно не на что надеяться. Послушай меня, я объясню тебе, в чем дело. В молодости, сынок, я не выстрелил бы точнее, чем ты сейчас. Я просто не умел так стрелять. Не уверен даже, что смогу сегодня стрелять так же хорошо, как ты. Давай посмотрим...

Старик поднял винтовку к плечу. Он поддерживал ствол дрожавшей левой рукой, и дуло бешено колебалось. Только в какое-то мгновение винтовка рявкнула и вторая ветка исчезла с верхушки кустарника. Едва винтовка дядюшки Джо успела коснуться земли, как револьвер скользнул ему в ладонь и тут же раздался выстрел. Консервная банка из-под помидоров, лежавшая теперь вдвое дальше, чем раньше, взвилась в воздух и загремела о камни.

Бывший бандит спрятал револьвер, не тратя времени на радость по поводу мелких попаданий. Можно было подумать, что для старика это ровным счетом ничего не значило.

– Ну, – бросил он в пространство, – похоже, я еще могу куда-то попасть. И нынче, и тогда. Но, как я уже говорил, сынок, для метко стреляющего, но слишком медлительного

джентльмена надежды нет. Ведь он целится. А джентльмен, который целится, наверняка отвратительный стрелок.

– Что вы имеете в виду? – пробормотал сбитый с толку Кадиган.

– То, что я сказал, сынок.

– Но разве человек, стремящийся во что-либо попасть, не должен целиться?

– Целиться? – переспросил странный старик. – Целиться? Прошло больше тридцати лет с тех пор, как я в последний раз целился. Нет, у тебя нет времени целиться, когда идет драка.

– Что же тогда делать?

– Что делать? Ты вскидываешь оружие и убиваешь человека. Вот и все, что нужно делать!

Кадиган покачал головой. Если все обстояло именно так, то ему не стоило даже пытаться учиться.

– И как джентльмен может научиться? – уныло спросил парень.

– Да ничего особенного, – ответил старатель. – Все, что нужно, – это начать тренироваться пару часов в день и заниматься так пару лет. И тогда, если что-то в тебе проснется, ты сможешь стать кем-то, если в кармане завалется хоть немного удачи. Потому что тебе нужна удача в первых двух-трех схватках, независимо от того, как хорошо ты обучен. Вот и все, что нужно, приятель.

– Но для меня нет надежды? – уныло повторил Кадиган.

– Нет. Никакой надежды. Вот Билл Ланкастер, тот выжил бы и в былые времена. А ты, сынок... Будь я проклят, если ты не медлительнее худшего из худших когда-либо виденных мною увальней. Провалиться мне на этом месте, если я не прав!

Произнеся это, старик повернулся и медленно направился к хижине. Затем обернулся к удрученному Кадигану:

– Рио-Гранде, Кадиган, лучший для тебя выход.

Глава 7

Суровый инструктор

Дядюшка Джо Лофтус возвращался из утреннего похода с молотком и надеждой только к обеду, очень разгоряченный, очень голодный и с откровенно дрожавшими коленями. Прошли те времена, когда он мог подолгу бродить по горам размеренным шагом, вверх и вниз, весь день без еды и даже без воды, и приходить домой столь же свежим. Лишь его пояс затягивался чуть туже да зубы сжимались чуть сильнее. Теперь ему приходилось внимательно следить за своим состоянием, словно генералу, начинавшему новую кампанию с изможденной армией. Дядюшка Джо не имел права понапрасну расходовать свои скудные запасы здоровья.

Несмотря на весь свой оптимизм, старик смотрел на вещи реально и понимал, что отмеренный ему срок подходит к концу. Наверное, он мог бы прожить еще лет десять. Но эти десять лет следовало бы разделить. Предположим, понадобится еще три года для поиска главной жилы. Останется только семь лет, чтобы насладиться славой и богатством, которые придут после такого открытия. Но если заранее не позаботиться о здоровье, и семи лет не протянешь.

Поэтому, работая в горах, Лофтус тщательно рассчитывал силы. Он приступал рано и трудился до полудня или немного

больше, так как утром чувствовал себя бодрее, но когда начиналась дневная жара, возможности его быстро истощались и ему приходилось всячески избегать большой нагрузки.

И вот теперь, когда Лофтус возвращался в хижину, горестно вздыхая, поскольку колени подгибались под тяжестью тела во время подъема на холм, он слышал ровный треск револьвера.

Оружие стреляло ежеминутно, что больше всего напоминало тиканье часов. Старик двинулся вниз по склону, чтобы узнать, в чем дело. Когда он пробрался через заросли, то увидел Кадигана, расхаживавшего взад-вперед посередине большой прогалины с револьвером в руке. Денни делал пятьдесят шагов, резко поворачивался и стрелял в тот момент, когда дуло револьвера оказывалось на одной линии с белым камнем на склоне холма. Затем Кадиган не спеша направлялся к дальней стороне прогалины, снова поворачивался и, выстрелив, качал головой. Опять промах!

Наконец, потеряв терпение, он занял позицию в середине прогалины, выровнял оружие и открыл огонь напрямую. И каждая пуля попадала точно в белый камень. Никаких сомнений. Когда Кадиган стрелял по прямой или имел время для прицеливания, то становился просто снайпером.

Но как много времени ему требовалось!

Кадиган снова принялся ходить взад-вперед, неожиданно поворачиваясь и паля по белому камню. Лофтус видел, что пули уносились в небо далеко от цели. Денни промахивался:

нет, не промахивался, это слишком слабо сказано, ведь пуля проходила футах в десяти, не меньше, от камня!

Дядюшка Джо сел, обхватив колени костлявыми руками, и долго беззвучно смеялся. Затем встал и сухо произнес:

– Вижу, что ты решил принять мой совет, парень. Собираешься заниматься по два часа в день?

– По десять, – ответил Кадиган.

– И делать это несколько лет?

– Десять лет, если понадобится.

– До каких пор?

– Пока не пристрелю Билла Ланкастера.

– Ты не размениваешься на мелочи, – мягко одобрил дядюшка Джо. Но в душе старик решил, что в парне есть что-то, выделявшее его из толпы сверстников. И прежде всего у него есть терпение, а старатель ценил его больше, чем что-либо другое, поскольку оно было одним из его собственных достоинств. – Ты хочешь остаться здесь на горе, чтобы учиться? – продолжал Лофтус.

– Здесь ему труднее меня найти, – ответил Кадиган. – Кроме того, жизнь в этих местах настолько дешевле, что придется тратить в основном только на патроны. И самое главное – рядом вы, мистер Лофтус.

– Чему ты у меня научишься? – мрачно спросил старик. – Я не учитель в школе, где люди обретают навыки убивать быстро, легко и безопасно.

– Конечно нет, – признал Кадиган. – Но когда у джентль-

мена слишком много знаний, он всегда готов поделиться ими с другими. Вы согласны?

Дядюшка Джо не удержался от улыбки.

– Ладно, – ответил он, – позволь мне кое-что тебе сказать. Для начала лучше всего просто поворачивать оружие, а не стрелять. Смотри! – Он встал в центре прогалины – высокий, худой старик, – ветер трепал фланелевую рубашку, скрывавшую, казалось, только ребра. Лофтус вытащил револьвер и прицелился в камень. Затем мягко повернулся на каблуках на триста шестьдесят градусов и снова указал револьвером на камень. – Видишь, Кадиган? Не важно, сколько раз ты выстрелишь. Надо только сделать привычкой желание убить другого человека. Каждый раз, доставая револьвер, говори себе: «Ланкастер!» Ясно?

Кадиган кивнул, слегка улыбнулся. Честная и вполне понятная логика.

– И когда ты будто показываешь на него указательным пальцем, нажимай на спуск. Вот и все. Почти никто не умеет стрелять метко и быстро! Почему? Потому что джентльмен, у которого есть револьвер и который пытается прицелиться из него, слишком много думает о своих действиях. А раздумья мешают стрельбе. Разве кошка думает, когда прыгает и всаживает когти в твою руку? Нет, сэр, кошка не думает об этом. А ты думаешь о том, чтобы поставить как следует руку, и в результате не можешь сдвинуть ее с места. Нет, сэр, твоя рука привязывается точно к цели с той же скоростью, с ка-

кой кошка взлетает и всаживает когти. Вот как ты должен научиться стрелять! Прекрати обдумывать свои действия. Ты должен убивать. Все остальное приложится. Вот с чего тебе следует начать!

Так закончился первый и самый важный урок для Кадигана. Самый важный из всех когда-либо им полученных, а их было немало. Старик увлекся и нашел в Денни благодарного слушателя. Лофтус не скрывал от него своих познаний. Для него стрельба не являлась чем-то обыденным. Он считал ее видом искусства, почти чудом. Лофтус размышлял над ней всю жизнь и по-прежнему находил ее трудной и прекрасной. Поэтому, говоря о стрельбе, он постепенно излагал систему своих знаний и представлений.

Это явилось началом регулярных занятий для Кадигана. Никогда учитель пения не работал со своим учеником так много и придирчиво, как Джо Лофтус, старавшийся усовершенствовать технику Кадигана.

– Есть только один способ управляться с оружием, – повторял дядюшка Джо с дюжину раз в день, – а все остальное – лишь способ быстро стать мертвецом. Лично я всегда использовал правильный способ. И поэтому до сих пор жив. Я видел много талантливых джентльменов с револьверами. Видел джентльменов, стрелявших без промаха. Но раньше или позже что случалось с ними со всеми? Они все мертвы! Теперь, когда я говорю тебе, чтобы ты хорошо и твердо держал револьвер, но не слишком крепко, я имею в виду именно

это. Попробуй еще раз. Положи револьвер в кобуру и... Черт побери, как я тебе показывал прятать револьвер в кобуру?

– Разве имеет значение, как прячешь револьвер в кобуру, если достаешь его оттуда достаточно быстро? – удивленно спросил Кадиган.

– Все, касающееся револьвера, имеет значение, сынок. Револьвер, гладко входящий в кобуру, так же плавно оттуда выйдет. Револьвер, входящий быстро и гладко, выйдет так же быстро и гладко. А револьвер, входящий быстро или медленно, но рывком, выскочит тоже рывком и наверняка точно не выстрелит. Могу побиться об заклад.

Вот как выглядели уроки, преподанные Кадигану. Овладеть ими в совершенстве, казалось, физически невозможно. Единственное исключение, допущенное суровым старателем, касалось смазки. Совершенство здесь казалось абсолютно недостижимым. Это не вызывало вопросов.

Но успехи Кадигана, даже по оценке Джо Лофтуса, оказались поразительными. Потому что, как и обещал, Денни работал по десять часов в день, и даже когда револьверы не использовались для упражнений, они оставались постоянными его спутниками. Он частенько разбирал оружие. Каждый день тщательно чистил кольт – слишком много грязи скапливалось за время тренировки. И все эти ежедневные сборки и разборки дали Кадигану ощущение полного понимания оружия, никогда ранее не испытываемое. Он наконец научился разбирать и собирать револьвер даже с завязанными глаза-

ми.

Но это был только первый этап. Основная работа сосредоточилась на том, чтобы вытащить револьвер из кобуры и выстрелить в цель. И насколько же обескураживающими оказались многие дни! В послеобеденную жару, когда Джо Лофтус заканчивал работу, Кадигану приходилось тренироваться под бдительным присмотром сурового инструктора. В такие моменты он чувствовал, что любое его движение неправильно. Прогресса не наблюдалось вовсе. Денни не заслужил даже полслова похвалы. Всегда резкий, ворчливый голос Лофтуса только указывал на ошибки:

– Сколько раз я должен тебе это говорить? У тебя что, память отшибло? Или совсем не осталось мозгов? – Но иногда дядюшка Джо снисходил до сочувствия: – Будь я проклят, если это не омерзительно. Всем молодым джентльменам нужно образование, но пусть небеса помогут тем, кто должен учить их. Вот и все, что я вынужден сказать.

И все же изнурительный труд продолжался. Не неделю и не две. Кадиган работал четыре тяжких месяца по десять часов в день, как и обещал. И если запястье немело от кольца, он брал в руки винтовку. Наступил уже поздний октябрь, когда дядюшка Лофтус сказал, сидя у входа в хижину:

– Видишь консервную банку, мистер Кадиган?

– Вижу.

– Хорошо, тогда спрячь револьвер в кобуру.

Револьвер послушно скользнул на привычное место.

– Ну, Кадиган, эта консервная банка – Билл Ланкастер. Сейчас я ее подброшу. Если она упадет на землю целая, то ты труп, приятель.

– Хорошо, – вздохнул Денни.

Жестянка отлетела из руки дядюшки Джо Лофтуса за спину Кадигана. Денни обернулся как молния, выхватывая револьвер из кобуры. Кольт выстрелил, и прежде чем банка упала на землю, пуля отбросила жестянку в сторону.

Первое слово одобрения сорвалось с тонких губ дядюшки Джо.

– Вот почти то, что я иногда называю стрельбой. Эта жестянка, Кадиган, – Билл Ланкастер. – Лофтус поднял вторую банку. – Убей его, парень. – И швырнул банку так высоко, как только мог.

Банка взлетела и повисла сверкающим, вспыхивающим в солнечных лучах диском.

– Стреляй! – закричал Лофтус.

Кадиган нажал на спуск. Высоко вверху раздался лязг. Жестянка взлетела еще выше, затем понеслась прямо вниз.

– Стреляй!

Снова рывкнул револьвер. Летящую банку пробило насквозь.

– Будь я проклят, если это не стрельба! – выдохнул старый дядюшка Джо. – Здесь, сейчас. А ну-ка отправь банку вверх по холму.

Он бросил еще одну банку на землю, и Кадиган, выхватив

револьвер, начал стрелять от бедра. Шесть пуль из кольта в левой руке вонзились в землю точно позади банки и, брызнув в нее маленькими фонтанчиками грязи, заставили жестянку медленно покатиться вверх по склону. Затем четыре пули из револьвера в правой руке продвинули банку еще выше. Каждая пуля оставляла след в дюйме позади банки. Денни повернулся и снова взглянул на старика.

– Что теперь? – спросил он, заряжая револьвер для следующего выстрела.

– Теперь садись сюда, – пригласил дядюшка Джо.

Приготовившись к уроку, Денни снова вздохнул и опустился на порог рядом с инструктором.

– Кадиган, – торжественно заявил старик, – ты умеешь обращаться с револьвером. Ты стрелял так, словно в каждой жестянке сидел Ланкастер. И если бы это было действительно так, то он умер бы сотню раз. Сегодня ты управляешься с револьвером лучше всех, кого я когда-либо видел. – Денни мог только смотреть на дядюшку Джо. – Потому что, – продолжал Лофтус, – в тебе нет страха. Пугливый джентльмен никогда не научится хорошо стрелять. Когда я увидел тебя в первый раз, то понял, что у тебя есть задатки первоклассного стрелка. Я убедился в этом, наблюдая, как ты здесь стоял и смотрел на мою винтовку. Ты не менялся в лице. Тогда я решил, что из тебя может что-то получиться.

– Тогда вы держались слишком спокойно, – заметил Кадиган, улыбаясь от удовольствия. – Могу я теперь отправиться

за Ланкастером?

– В мире нет человека, за которым ты сейчас не мог бы отправиться, – серьезно ответил дядюшка Джо.

Глава 8

Проводы

Когда ранним утром следующего дня Денни Кадиган при­го­товился к отъезду, дядюшка Джо пришел проводить его и принес два револьвера, чей возраст выдавали истертые паль­цами рукоятки.

– Что ты скажешь об этих двух револьверах? – спросил он своего ученика.

– Полагаю, что это старые кольты.

– Возьми их, – протянул оружие старик.

Кадиган торжественно принял его.

– Попробуй, – предложил дядюшка Джо.

Денни оглянулся в поисках подходящей мишени, и, по­ка он искал, три большие вороны слетели с сосновых вер­шин и тяжело поплыли через прогалину. Денни вскинул ре­вольверы и выстрелил. Первая птица камнем упала на зем­лю. Вторая перевернулась в воздухе и начала стремительно снижаться, пронзительно жалуясь на судьбу. Кадиган мило­сердно покончил с ней третьей пулей.

– Очень приятные и точные револьверы, – одобрил он.

– Весьма древние, весьма средние, – покачал головой дя­дюшка Джо. – Они кажутся тебе похожими на другие револь­веры?

– Они немного тяжелее, и у них длиннее стволы.

– Именно так, сынок. Достаточно удлинить ствол, чтобы стрелять в цель на десять ярдов дальше, чем из обычного кольта. А эти десять ярдов бывают нужны, и весьма.

Кадиган кивнул.

– Еще у них хорошие курки, – отметил он, крутя в руках револьверы. – Удерживают равновесие так, словно у них есть мозги.

– Верно, – согласился дядюшка Джо. – Я слышал про эти револьверы, что они *слишком* тяжелые. Они сделаны не для слабаков.

И он взглянул на округлые запястья Денни, перетянутые стальными сухожилиями.

– Они достаточно тяжелые для того, – уточнил тот, – чтобы джентльмен сразу понял, что у него в руках кое-что есть.

– Кадиган, – торжественно объявил Лофтус, – ты умен. Гораздо умнее, чем я думал. Револьверы дружили со мной много лет. Будь я проклят, если помню, как много! Нет, сэр, они ушли на покой со мной и присматривали за Лофтусом как пара бульдогов. Им никогда не приходилось гавкать и кусать одного и того же джентльмена больше одного или двух раз. – Тут он злобно хихикнул. – Довольно долго я считал, что наверняка придет тот день, когда меня загонят в угол и прикончат.

Старик кивнул, вспоминая те бурные времена.

– И я всегда думал, что когда упаду, то поберегу эту пару

на последние полсекунды. Ну вот, Денни, я постарел и покрылся ржавчиной. Теперь у врагов мало шансов меня прикончить. Похоже, те, кто когда-то меня ненавидел, сейчас жалеют старика. – Он снова зло ухмыльнулся. – Как бы то ни было, никто из них меня не побеспокоит, полагаю, что и сам вряд ли кого-нибудь побеспокою, прежде чем через пару лет отдам концы.

– Вы проживете еще лет тридцать, не меньше, – вежливо перебил Кадиган.

– Не будь лицемером, парень.

– Я слышал рассказы об индейце в Нью-Мексико, дотянувшем до ста двадцати лет. Если на такое способен индеец, то почему это не по плечу белому человеку?

– Почему? – переспросил старик, ухмыляясь шире и радостнее прежнего. – Я продолжаю утверждать, что краснокожий не может сделать ничего такого, чего белый человек не в состоянии сделать лучше. Ты определенно умен, Кадиган! Ну, вернемся к револьверам. Я всегда представлял их в руках какого-нибудь джентльмена, который умеет стрелять и умрет во время драки, простреленный полудюжиной пуль, с израненными ногами, загнанный в угол комнаты. В него стреляет дюжина джентльменов, но он все еще держит по револьверу в каждой руке... все еще сражается... убивает до последней минуты... – Рисуя потрясающую картину, старик пронзительно кричал. Затем, уже тише, добавил: – Точно так умер мой напарник, старина Джеф Джилки, я пришел слиш-

ком поздно. Но я видел пятерых джентльменов, истекавших кровью, израненных так, что они никогда этого не забудут. Они лежали на полу рядом с еще тремя мертвыми джентльменами, смотревшими в потолок и думавшими, вероятно, обо всем этом, когда они падали вниз словно утки с неба – падали вниз к дьяволу, как убийцы и мерзавцы, каковыми они, впрочем, и были на самом деле. – Голос старика дрожал. Он откашлялся и добавил: – Мне не придется так умереть.

– Вы умрете богатым, что намного лучше, – предположил Кадиган. – Найдете медь и станете самым богатым в мире. О вас будут помнить, мистер Лофтус.

При этих словах взгляд дядюшки Джо значительно прояснел, но в конце концов старик просто уныло пожал плечами:

– Послушай меня, нет ничего лучше доброй смерти. Я отдал бы всю медь, лишь бы умереть так, как положено умирать настоящему мужчине. И эти револьверы, Кадиган, должны перейти к человеку, который умрет именно так.

Денни встал.

– Я могу быть уверен, что меня убьют? – спросил он с любопытством.

– Конечно. У тебя нет шансов ни на что другое. Вопрос только в том, где это произойдет. Ты сделаешь что-то, что заставит людей говорить о тебе, и умрешь, пока они все еще будут болтать!

– Мне кажется, – мягко возразил Кадиган, – что джентль-

мен вправе сделать что-то такое, а затем сидеть и думать об этом всю оставшуюся жизнь.

– Среди джентльменов подобных нет. Никто из них не хочет работать. Вот в чем моя проблема. Я всегда стремился к славе. Но упорный труд не по мне. Я никогда не трудился. Только добивался, чтобы обо мне говорили, – со вздохом признал старик.

– Но, дядюшка Джо, в горах нет человека, который бы сделал столько, сколько вы, для поддержки закона. Все это знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.